

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ

В общении со слушателями ФПК ПК нередко приходится слышать сетования на то, что сегодня сотрудники органов внутренних дел (в отличие от предшественников советской поры и первого десятилетия государственной независимости) ограничены во властных полномочиях по отношению к гражданам. Весьма негативно в этой связи отношение к приказу №1 2005 г.

Так ли это? На самом ли деле работники ОВД ограничены в правах и лишены власти? Или проблема в том, что непродолжительный опыт правовых отношений между сотрудниками и гражданами переживается сотрудниками весьма болезненно по причине превратного представления о своих полномочиях? Полагаем, второе ближе к истине. Никто не лишал, например, сотрудников ГАИ права (власти) останавливать нарушителей ПДД (не участники же движения наделены подобной властью). Проблемы возникают, как правило, *за пределами правовых отношений*, в сфере *межличностных* отношений участников правоотношения. Демонстрация того «кто хозяин ситуации», с чем обычно связывается представление о власти, – причина многих недоразумений, возникающих при исполнении служебных обязанностей.

Основное содержание идеологии любого государства отражено в Конституции. В Основном Законе указано, что наше государство правовое, т. е. отношение между государством (его представителями) и гражданами носит правовой, а не личный характер, что предполагает равенство сторон перед законом. Разумеется, преодолеть тысячелетнюю традицию неправовых отношений между государством и подданными в одночасье невозможно. Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы не осталось тех, кто был рабом или помнил египетское рабство. И для нас путь к устоявшимся правовым отношениям вряд ли будет менее тернист и короток, не так просто выветрить из сознания сотрудников и граждан страны привычки прошлого. Ниже – небольшой исторический экскурс к идеологии, праву и нашим традициям, некоторым из причин сегодняшних проблем сотрудников ОВД.

Идеология – детище индустриальной цивилизации и «немощи» бога и религии. Там, где действовал и действует творец, и длится доиндустриальная цивилизация, – нет места идеологии. Для жителя полу-небес (христианина, озабоченного даром небесным, своим духовным «Я», а не плотью и пашней) наставления исходят от религии и морали. Да, принц и нищий налицо, но таково божественное установление и порядок, стало быть, нет предмета для идеологии. Божественная мораль-право, мысля социальные отношения как межличностные,

обращалась к лицу и его духовным приоритетам, а не к классам и их «коренным» интересам.

С эпохи Ренессанса человек – центр перспективы и причина феномена мира. В конечном счете, не бог, а он повинен в имущественном и социальном расслоении, и теперь любой человек вправе задать вопрос: «а по какому такому праву власть и неравенство»? Не дело религии и морали земные интересы *павшего человека* («скоточеловека», по терминологии Якоба Беме), возделывающего власти, богатства и славы. Пропал адресат морали: «Я» – духовное, на арене другие субъекты, не лица, а социальные слои и классы со своими коренными интересами. Притязания подобных субъектов истории на власть и богатство, по мнению марксизма, – дело идеологии.

Идеология индустриальной цивилизации неразрывна с правом. Мораль уместна там, где еще теплится «Я» – потустороннее, но бессильна перед групповыми и личными интересами «скоточеловека». «Не укради» и, как правило, и по правилам, тотальный грабеж лиц, слоев и стран. Право, не имея дела с личностью не от мира сего, регламентирует межстатусные и ролевые отношения.

Со времен сталинской индустриализации мы в рядах передовой цивилизации «фабричных труб» и носители идеологии как формы общественного сознания. Проблема возникла с правом. Слишком велика инерция тысячелетней традиции доиндустриальной цивилизации – «нравственно-личностное начало» социальных отношений (А. Хомяков считал это преимуществом славян перед европейцами). Беда, однако, в том, что нравственное начало пало под напором классового и личного интереса. Личностное же начало, не обремененное моралью и божественными наставлениями, захваченное погоней за земными благами и не знакомое с правом, господствует в сфере общественных отношений.

Наши заклятые европейские «друзья» всегда замечали «соринку» в славянском глазу – «примитивизм души», т. е. неспособность смириться перед правилами. (О. Шпенглер). Правда, и для славян это не было секретом: «Широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в рамки узкие юридических начал» (Б. Алмазов). Наши «широкие натуры», не являясь уже «Я» – не от мира сего, будучи душами, сугубо заземленными, заинтересованы не в небесном или в светлом будущем, а в земном здесь и сейчас. Не смиряясь с социальными масками и европейскими правилами, мы, по традиции, «подгоняем» роли под свои размеры и поступаем по понятиям, «по-человечески».

Другими словами, затянувшийся процесс *обезличивания* (нужен «робкоп») проходит у нас весьма болезненно, но для индустриальной цивилизации, нравится нам это или нет, средневековая, сословная регламентация отношений между *людьми, лицами* не подходит. Сегодняшние фабричные трубы требуют

не человека, даже не представителя сословия, а *функционера* экономики, политики, социальных отношений. Затребован «производитель – потребитель»; «электорат – избранник народа»; «сотрудник правоохранительных органов – гражданин». Право может иметь дело только с такими субъектами.

Для сотрудников ОВД на повестке дня – право, т. е. *различение* «своей правды идеала», своего человечески-земного «я» и социальной роли, *обучение* играть по ролевым правилам, а не по понятиям с печатью среды воспитания. Власть присутствует в межролевых отношениях сотрудников ОВД и граждан, а не межличностных. В индустриальной цивилизации за пределами права (ролей) власти нет, там – злоупотребление властью.